

ОСОБЕННОСТИ ЭКСПЛИКАЦИИ ГОВОРЯЩЕГО КАК СУБЪЕКТА СОЗНАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОПИСАНИИ (ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Зырянова Е.В.

ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет», Улан-Удэ, Россия (670000, Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6а), e-mail: lenkor75@mail.ru

---

Статья посвящена проблеме субъективности в языке, а именно выявлению слов, эксплицирующих сознание говорящего в описательном тексте. Рассматриваются особенности функционирования групп слов, эгоцентрическая семантика которых предполагает говорящего в роли субъекта сознания. В зависимости от функционально-смысловой принадлежности текста эти группы слов по-разному маркированы в художественном тексте. Текст типа «описание» мало изучен в аспекте эгоцентричности, связь же между определенной ролью говорящего и функционально-смысловым содержанием текста вовсе не изучена, тогда как подобный подход позволяет проанализировать функционирование ролей говорящего, учитывая конкретные условия, общелогическую основу описания, характер субъекта, семантику предикатов.

Ключевые слова: текст типа «описание», говорящий, роли говорящего, субъект сознания, разновидности описания, прагматический аспект.

SPEAKER'S EXPLICATION FEATURES AS A SUBJECT OF CONSCIOUSNESS IN FICTIONAL DESCRIPTION (PRAGMATIC ASPECT)

Zyryanova E.V.

Buryat State University, Ulan-Ude, Russia (670000, Ulan-Ude, street Ranzhurov, 6a), e-mail: lenkor75@mail.ru

---

The article is devoted to the problem of subjectivity in language, especially to exposure of words, that explicate speaker's consciousness in descriptive texts. It reveals peculiarities of word group functioning, which egocentric semantics presupposes the speaker to be a subject of consciousness. These word groups are differentially marked according to functional and notional features of fictional texts. The egocentric aspect of descriptive texts is not enough studied, but correlation between speaker's role and functional and notional content hasn't been studied yet. Whereas such an approach lets us to analyse speaker's roles functioning when definite conditions, general logic grounds of description, subject's character, predicate semantics are taken into consideration.

Keywords: descriptive texts, speaker, speaker's role, subject of consciousness, descriptive variety, pragmatic aspect.

В настоящее время очевидным является тот факт, что невозможно исследовать текст без учета определенных прагматических факторов, таких как контекст, фактор субъекта, фактор адресата высказывания и др., причем на первое место в лингвистике выдвигаются фигура говорящего и та роль, в которой он выступает в тексте. Важность прагматического аспекта обусловлена необходимостью изучения роли антропологического фактора в речи и, в частности, в текстах описания. В данной работе мы, опираясь на теорию функционально-смысловых типов речи О.А. Нечаевой, а также на идеи Е.В. Падучевой о разных ролях говорящего, рассмотрим прагматические особенности проявления говорящего как субъекта сознания в художественном описании, а именно в таких разновидностях описания, как пейзаж, портрет, интерьер, характеристика. Описательный текст ранее почти не изучался с позиции эгоцентричности языка, также не изучалась связь между ролями говорящего и функционально-смысловым построением и содержанием художественного текста. Между тем такой подход позволяет проанализировать функционирование ролей говорящего,

учитывая конкретные условия, а именно общелогическую основу описательного контекста со значением синхронности явлений, характер субъекта, строящего высказывание (повествователь или персонаж), семантику предикатов.

Цель исследования

Основной целью исследования является выявление прагматических особенностей проявления говорящего как субъекта сознания в речи типа «описание».

Методологическую базу исследования составляют основные положения теории функционально-смысловых типов речи, их логико-смысловая, прагматическая и коммуникативная направленность; **теоретической базой** послужили работы отечественных и зарубежных ученых, посвященных проблемам типологии речи, а также проблемам прагматики, в частности, экспликации той или иной роли говорящего в высказывании.

Известно, что в описании большую роль играет наблюдатель [см.: 4]. Но при этом «наблюдение характеризуется психологической установкой, то есть такой субъектной ценностью, которая в совокупности с оценкой – положительным или отрицательным отношением субъекта к объекту наблюдения – обуславливает языковую форму интерпретации полученных фактов» [9, с. 56]. Иными словами, говорящий, сообщая о воспринятых явлениях действительности, одновременно выражает свое состояние, свое отношение к предмету речи, проявляя себя в роли субъекта сознания.

Говоря о сознании, нужно иметь в виду, что это широкое сложное явление, включающее в себя как элементарно осознанные ощущения, так и мысли человека. Сознание связано с психическими структурами и соотносится с такими понятиями как чувства, воля, эмоции. Эти понятия имеют психолингвистическую значимость и участвуют в формировании номинативных и предикативных единиц.

Осознавая появление у себя определенного ментального, эмоционального или волевого состояния, говорящий выражает это состояние в контексте слов и синтаксических конструкций.

Е.В. Падучева выделяет несколько групп слов, эгоцентрическая семантика которых предполагает говорящего в роли субъекта сознания: предикаты внутреннего состояния, предикаты со значением сходства и подобия, слова со значением неожиданности, неопределенные местоимения и наречия, слова с оценочным значением [7,8].

Анализируя художественный текст в аспекте говорящего как субъекта сознания, следует иметь в виду, что в нем представлены и взаимодействуют разные группы слов, выражающих состояние говорящего, например:

А у нее красота была какая-то индийская, персидская: смугло-янтарное лицо, великолепные и несколько зловеющие в своей густой черноте волосы, мягко блестящие, как

черный собольий мех, брови, черные, как бархатный уголь глаза; пленительный бархатисто-пунцовыми губами рот оттенен был темным пушком. (И.А. Бунин. Чистый понедельник)

В этом портретном описании говорящий находится в удивленно-восторженном состоянии, хотя многое в облике женщины ему непонятно, что маркировано неопределенным местоимением *какая-т*. Говорящий, подчеркивая красоту женщины, дает оценку каждой детали описания: *великолепные волосы, мягко блестящие брови, пленительный рот*. Для создания большей выразительности говорящий использует сравнения: *брови блестят как черный собольий мех; глаза как бархатный уголь*. Все детали подчеркивают красоту женщины и выражают восхищение, которое испытывает говорящий при виде этой женщины. В приведенном примере представлены слова со значением неопределенности, с оценочным значением, а также предикаты со значением сходства и подобия, которые так или иначе выражают состояние говорящего.

Далее рассмотрим особенности функционирования каждой из групп слов, выделяемых Е.В. Падучевой, в описательном тексте.

Говорящий в тексте может имплицитно или эксплицитно выражать свое эмоциональное и иные виды состояний. В этом ему помогает группа предикатов внутреннего состояния, которая маркируется посредством предикатов в безличном употреблении: слов категории состояния, безличных глаголов, некоторых вводных слов и оборотов и т.п. Обратимся к примерам:

В саду было тихо, прохладно, и темные, покойные тени лежали на земле. Слышно было, как где-то далеко, очень далеко, должно быть за городом, кричали лягушки. Чувствовался май, милый май! (А.П. Чехов. Невеста)

Пейзаж воспринимается говорящим посредством не столько зрительных, сколько слуховых и осязательных рецепторов. Субъектом восприятия является персонаж, Надя, которая находится в состоянии радостного ожидания, что маркировано безличным глаголом *чувствовалось*. Восклицательное предложение (*Чувствовался май, милый май!*) вносит экспрессию в спокойный тон описательной микротемы, экспрессия усиливается при вторичном употреблении слова *май* в сочетании с оценочным прилагательным *милый*.

Однажды на скромной могиле той женщины появился памятник, высеченный из белого камня. Счастливое молодое лицо с доверчивой улыбкой было полно ожидания неизведанного, а ее протянутые руки казались трепетно-живыми, теплыми. (Серова)

Предикат *казались* в сочетании со словами *трепетно-живыми, теплыми* свидетельствует о состоянии волнения, удивления, возможно, восхищения, которое испытывает субъект восприятия перед творением скульптора.

Отношение говорящего к содержанию высказывания (а значит, и состояние говорящего) выражается субъективной модальностью, вводными словами. В описании вводные слова используются очень редко, что, по мнению О.А. Нечаевой, объясняется констатирующей сущностью описания [5]. Но иногда говорящий использует вводные слова, указывающие на степень достоверности факта, как, например, в следующем примере, где говорящий находится в состоянии неуверенности, что маркировано вводным словом *казалось*:

Весенний светлый день клонился к вечеру, небольшие розовые тучки стояли в ясном небе и, казалось, не плыли мимо, а уходили в самую глубь лазури. (И.С.Тургенев.Дворянское гнездо)

Группа предикатов со значением внутреннего состояния не очень широко распространена в художественных текстах описательного типа. Чаще состояние говорящего выражается через оценку какого-либо объекта действительности или посредством экспрессивов. Когда состояние говорящего выражается посредством группы предикатов внутреннего состояния, то чаще всего для этого употребляются безличные предикаты. Это связано с тем, что основная роль говорящего в описании – наблюдатель, цель которого наиболее детально описать объект, обозначив при этом его отличительные признаки. И все языковые средства работают на создание наиболее полного образа объекта описания, тогда как предикаты внутреннего состояния акцентируют внимание адресата на говорящем субъекте.

Примечательно, что в описательных текстах частотность слов, выражающих состояние именно говорящего, не так уж велика. Слова типа *вечерело, смеркалось, темнело* и под.довольно часто можно встретить в описании, но они не являются предметом нашего анализа, поскольку эти и подобные им предикаты выражают состояние объекта – природы, а не субъекта – говорящего. Например:

Уже совсем стемнело и начинало холодать; в роще звучно щелкал соловей.(И.С.Тургенев.Записки охотника)

Безличные глаголы *стемнело, начинало холодать*, выражают здесь состояние природы, а не человека.

Если слова, выражающие различные эмоциональные состояния говорящего, встречаются в описательном тексте, то можно говорить о вкраплении в такой текст элементов рассуждения:

На запад пятиглавый Бешту синееет, как «последняя туча рассеянной бури»; на север поднимается Машук, как мохнатая персидская шапка, и закрывает всю эту часть небосклона; на восток смотреть веселее: внизу передо мной пестреет чистенький

новенький городок, шумят целебные ключи, шумит разноязычная толпа, - а там, дальше, амфитеатром громоздятся горы все синее и туманнее, а на краю горизонта тянется серебряная цепь снеговых вершин, начинаясь Казбеком и оканчиваясь двуглавым Эльбрусом... Весело жить в такой земле! (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени)

Состояние говорящего можно интерпретировать как приподнятое, радостное, ему *весело*, а основанием для веселья служит поэтическое описание природы. Данное описание схоже по структуре с рассуждением. Здесь подобно текстам рассуждения говорящим подводится как бы итог своих впечатлений. Сравним с текстом рассуждения, в котором выявляется причина грустного состояния говорящего: *стало грустно*, потому что *я встревожил их спокойствие* и потому что *едва сам не пошел ко дну*.

Мне стало грустно. И зачем было судьбе кинуть меня в мирный круг честных контрабандистов? Как камень, брошенный в гладкий источник, я встревожил их спокойствие, и как камень едва сам не пошел ко дну. (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени)

Говорящий часто ощущает сходство описываемого объекта с чем-либо еще. Целью такого сопоставления является выявление в объекте изображения новых важных свойств. Такое сопоставление Е.В. Падучева называет «предикатами со значением сходства и подобия», но чаще это называют сравнением. Приведем пример:

Это был среднего роста, очень недурно сложенный молодец с полными румяными щеками, с белыми, как снег, зубами и черными, как смоль, бакенбардами. (Н.В. Гоголь. Мертвые души)

В этом описании портрета говорящий для создания образа использует стандартные сравнения: белизна зубов сравнивается с белизной снега, а черный цвет бакенбардов – с черным цветом смолы. Такие сравнения очень часто можно встретить в художественном тексте, например, у Лермонтова в «Автопортрете» читаем: «Власы на нем, как смоль, черны».

При сравнении происходит сближение разных предметов, помогающих раскрыть в описываемом объекте ряд дополнительных признаков, помимо основного, что в значительной степени обогащает художественный образ. Сравнение служит для создания зрительных образов, являясь инструментом словесной живописи. Но при этом решающую роль играет не внешнее сходство используемых в сравнении предметов, а устанавливаемая между ними смысловая и эмоциональная связь:

Как мальчик кудрявый, резва,

Нарядна, как бабочка летом;

Значенья пустого слова

В устах ее полны приветом.

Ей нравиться долго нельзя:

Как цепь, ей несносна привычка,

*Она ускользнет, как змея,
Порхнет и умчится, как птичка.
Таит молодое чело
По воле – и радость и горе.
В глазах – как на небе светло,
В душе ее темно, как в море!*

*То истиной дышит в ней все,
То все в ней притворно и ложно!
Понять невозможно ее,
Зато не любить невозможно.*
(М.Ю. Лермонтов)

Средством создания образа женщины служит ряд сравнений, рисующих изящество и непостоянство ее характера. Она склонна к маскировке истинных чувств: *в глазах – как на небе светло, в душе ее темно, как в море*. Но, несмотря на все противоречия, на ее непостоянство, говорящий очарован ею.

Старший, уже женатый сын его Петро напоминал мать: небольшой, курносый, в буйной повители пшеничного цвета волос, кареглазый; а младший, Григорий, в отца попер: на полголовы выше Петра, хоть на шесть лет моложе, такой же, как у бати, вислый коршунячий нос, в чуть косых прорезях подсиненные миндалины глаз, острые плиты скул обтянуты коричневой румяняющей кожей. Так же сутулился Григорий, как и отец, даже в улыбке у обоих общее, звероватое. (М.А. Шолохов. Тихий Дон)

В описании устанавливается фамильное сходство братьев Мелеховых со своими родителями: у старшего сына Петро портретные черты матери, а у младшего Григория – отца. Говорящий ощущает это сходство, что маркировано предикатами *напоминал* и *в отца попер*.

Таким образом, в художественном описании говорящий не только обозначает, называет какие-либо объекты действительности, но и выражает свое отношение к описываемому через яркие субъективные, сугубо индивидуальные сравнения.

Необходимо отметить, что не только сравнение, но и другие средства художественной выразительности могут выражать определенное эмоциональное состояние говорящего. Например:

Дождик перестал. В отдалении еще толпились тяжелые громады туч, изредка вспыхивали длинные молнии; но над нашими головами уже виднелось кое-где темно-синее небо, звездочки мерцали сквозь жидкие, быстро летевшие облака. Очерки деревьев, обрызганных дождем и взволнованных ветром, начинали выступать из мрака. (И.С. Тургенев. Записки охотника)

Глагольная метафора *толпились* основана на перенесении свойств одного предмета на другой по принципу их сходства: в данном случае скопление туч похоже на скопление большого количества людей. Говорящий зрительно сопоставляет и оценивает два явления, которые имеют сходный признак. Эта метафора, а также эпитет *тяжелые громады* создают

ощущение тяжести, громоздкости, используя эти языковые средства, говорящий выражает свое недовольство таким положением дел (далее в описании: *звездочки мерцают; облака быстро летят; деревья, взволнованные ветром, выступают из мрака*, – то есть тяжесть восприятия и недовольство говорящего исчезают).

Какая грусть! Конец аллеи

Опять с утра исчез в пыли,

Опять серебряные змеи

Через сугробы поползли. (А.А.Фет)

Перифраз *серебряные змеи* и метафора *поползли* звучат чрезвычайно таинственно, вызывают сложные эмоции у говорящего: ему грустно, о чем заявлено в начале микротемы, но перифраз маркирует и иное состояние говорящего – поэтическое восприятие природы, хотя анафора *опять* выражает скорее досаду говорящего, недовольного тем, что все повторяется. При помощи этих тропов говорящий выражает вполне конкретное явление (серебряные змеи, ползущие через сугробы, – это вьюга, поземка), а также свое состояние.

В описании говорящий часто выражает свое состояние посредством оценочных высказываний. Оценка прямо связана с говорящим субъектом и отражает его интересы, вкусы, личное мнение. Но при этом в тексте субъект оценки редко бывает обозначен, т.е. выражен эксплицитно, чаще всего он лишь «постулируется на основе формы оценочного высказывания и контекста» [2, с. 47]. Оценка связана не только с фигурой говорящего, но и предназначена для воздействия на адресата. «Оценочное высказывание уже само по себе выражает коммуникативную цель рекомендации побуждения к действию, предостережения, похвалы или осуждения» [1, с. 6]. Иными словами, говорящий при оценивании чего-либо стремится определенным образом воздействовать на эмоциональное состояние (ЭС) адресата с целью вызвать эмоциональную реакцию на сказанное и изменить ЭС адресата.

Оценка, являясь непосредственным выражением состояния говорящего, всегда присутствует в художественном описании. В описании природы, портрета, интерьера используются сенсорные оценки, поскольку эти жанры возникают на основе воспринятых ощущений, чувств. В портрете, помимо сенсорных, присутствуют оценки эстетического плана, связанные с удовлетворением чувства прекрасного. В интерьере наряду с эстетическими и сенсорными оценками говорящий использует и рационалистические оценки, связанные с практической деятельностью человека. В характеристике нет сенсорных оценок, объект здесь оценивается с точки зрения психологических, этических норм, также могут присутствовать оценки рационалистического плана. Еще одно основополагающее отличие характеристики от других разновидностей описания заключается в том, что если тексты разновидностей «портрет», «пейзаж», «интерьер» включают в себя оценочные

обозначения, то «характеристику» в художественном тексте можно назвать собственно оценочным высказыванием, поскольку оценка здесь является целью сообщения.

Оценка в описании может выражаться разными способами: лексическими, словообразовательными (в основном, при помощи уменьшительно-ласкательных суффиксов), синтаксическими средствами (например, восклицательными предложениями, которые несут экспрессию), а также при помощи художественных изобразительно-выразительных средств (эпитетов, сравнений, метафор и т.п.). Нередко в описании используется дескриптивное развертывание оценки: сначала дается общая оценка объекта, а потом перечисляются признаки, свойства объекта. Это характерно для всех описательных жанров[3].

Необходимо отметить, что рассматривая тексты типа «описание», мы не касались группы слов со значением неожиданности, поскольку эта группа реализована только в речи типа «повествование». Особенность повествования состоит в сообщении об «изменяющихся, развивающихся действиях и состояниях» [6, с. 28], а неожиданность характеризуется внезапным переходом из одного состояния в другое.

Таким образом, описывая какой-либо объект, говорящий в художественном тексте всегда выражает свое состояние. Это происходит посредством употребления им в речи предикатов внутреннего состояния (эта группа слов нечасто встречается в описательных текстах, поскольку такие предикаты заостряют внимание адресата на говорящем, а не на объекте описания), предикатов со значением сходства и подобия, неопределенных местоимений и наречий, слов с оценочным значением, но чаще состояние говорящего маркируют изобразительно-выразительные средства (сравнения, метафоры, анафоры, перифраз и др.), использование которых говорящим повышает прагматическое воздействие описания.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 314с.
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985. – 232с.
3. Зырянова Е.В. Экспликация оценки в тексте типа «описание» (прагматический аспект) // Вестник Бурятского государственного университета. Выпуск Филология. – 2014. - № 10. – С. 114-118.
4. Корпусова Е.В. Говорящий и наблюдатель в текстах описания // Актуальные проблемы текста: Материалы Междунар. Науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию д-ра филол. наук, проф.

О.А. Нечаевой. –Улан-Удэ: Издательство БГУ, 2004. –С. 42-44.

5. Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1974. – 261с.

6. Нечаева О.А. Типы речи и работа над ними в школе: Учебное пособие для студентов. Красноярск, 1989. 166с.

7. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива).– М.: Языки русской культуры, 1996. – 464с.

8. Падучева Е.В. Эгоцентрический валентности и деконструкция говорящего // Вопросы языкознания. – 2011. - №3. – С. 3-18.

9. Чернейко Е.Р. Позиция наблюдателя в художественном тексте как импликатура метафорической номинации // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 1996. - №1. – С. 55-68.

Рецензенты:

Бардамова Е.А. д.фил.н., доцент, заведующий кафедрой русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет», г. Улан-Удэ;

Харанутова Д.Ш. д.фил.н., доцент, доцент кафедры русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет», г. Улан-Удэ.